

**Анатолий
КАЗАКОВ**

г. Братск

КАК КОРНИ ОБОЗНАЧИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Надобно питаться человеку, так устроено. В деревне, бывало, ох и погнули свой трёхжильный хребёт люди наши. Бабушка до преклонного возраста всё пойло коровам выносила, а ведра – тяжеленные, а дух-то от пойла, сам бы, кажись, съел. Бабушка несёт во двор, а там уж ждут, особенно корова. Эх и любила она это пойло! Набухшее зерно, хлеб, картошка, ещё чего, и всё бабушкиными жилистыми руками размято.

С утра раннего это пойло в русской печи томилось. Овцы всегда ели пойло плохо, ибо наедались травы на пастбище, и бабушка их за это обязательно «вражинами окаянными» называла. И то, что овцы не доели, отдавала корове. А та старый, но надёжный тазик вылизывала своим шершавым большим языком так, что всегда хотелось слушать это вылизывание, даже аппетит поднимался.

Всегда становилось хорошо на душе, когда смотришь на двор под нехитрой крышей. Везде торчит солома, а как же без неё родимой. Бабушка доит корову, кошки ждут молока, внук Валера тоже ждёт парного молочка, телёнок смотрит на Божий мир своими добрыми глазами несмышлёныша, его, как собачку, все глядят. Овцы всегда боязливы, свиней бабушка держала редко. Знала, что если захочется свеженинки, так тут прямо на деревне кто-то и продаст мясо. Новости такие разносились по округе быстро, и вот уж кричит бабушке старуха по прозвищу «Ягода»:

– Иди к Ивану, поросёнка забил, всем хватит!

И, конечно, были в хозяйстве куры, немислимо без них. Старший двоюродный брат лезет по лестнице вверх за яйцом, набирает несколько штук, осторожно слезает, и, вдруг, оступившись, падает в навозную кучу! Все смеются, и нисколько не жалко разбитых яиц. Куры завтра снова нанесут, вот только матери штаны с рубашкой надобно стирать. Да и это ничего, баня для чего же нужна? Отмокнут штаны от навоза в тазу, маманя с хозяйственным мылом настирает, чистенькими будут, снова форси Вовка по деревне.

Наконец бабушка несёт ведро молока. Разливает по глиняным горшкам, раньше их делали в соседней деревне. Много горшков набрали люди про запас! Потом старые мастера повывелись, а в магазинах железная посуда появилась. Ничего, наш народ ко всему привычный. Только горшки глиняные всё же шибко

Анатолий

Владимирович Казаков

*- автор многих
публикаций в СМИ,
в интернетовских
изданиях.*

*Его статьи, рассказы,
стихи о наболевшем,
актуальном.*

берегли бабушки и поругивали внуков, когда те нечаянно разбивали ценную посуду. Стоит глиняный горшок в подполе, или погребке, и долго в нём сметана или молоко не портится. Великое это дело для крестьянина.

Валерка выпивает прямо из горшка тёплого молока, вытирает рукавом рубахи рот, и несётся на улицу. Матерились мальчишки, чего греха таить, но при взрослых боялись. А ежели пролетало словечко окаянное, то, глядишь, один получит оплеуху от старших, другой... Печали от этого особой нет, на деревне словно родственники все живут.

И возникало ощущение надёжности жизни. Хорошее это ощущение. Было хорошо и оттого, что вся деревня так живёт – в сытости, в труде, который всегда от ненужной грусти спасает.

Да, работал на деревне человек несравнимо больше, чем в городе. Бывало, привезут вино в больших бутылках в магазин, «бомбой» называли в шутку, мужики наберут, потом взрослые парни, но, конечно, ухитрились брали вино через знакомых и младшие, которым по пятнадцать, шестнадцать лет. И вдруг – целую с верхом машину сена привезли ко двору Ваньки Абрамова. Постоит вино, никуда не денется. Несутся парни, словно угорелые, глядишь, поработали и – сено уже на сушилах. Стоят все в поту, квасок домашний пьют, дух переводят, улыбаются, привычна такая работа.

А тут снова слух по деревне: хлеб в магазин привезли. Но тут уж, кто помладше, ребятишки бегут. На деревне молодёжь работать не надо было заставлять – все с малых лет видели, каким великим трудом всё достаётся.

После трудов праведных, конечно, на речку. Наплескаешься, смотришь, а уж ребята всё спроворили, и яишинку нажарили, и лук сочно-зелёный с ещё тёплым хлебом лежит, теперь и винца можно, ох, только бы мамка не заметила!.. Чист русский человек телом – всю неделю в речке купаемся, а по субботам баня, тут уж полная чистота.

Постоянно были районные соревнования по футболу, это крепкая отдушина для парней. На одном из таких матчей парень из села сломал ногу, перелом был сильный, парень терпел жуткую боль до приезда скорой, все жалели футболиста. Старики и бабушки, осеняя себя летучим крестом, тихо говорили: «Сердешный. Принял страдание». А он от этой невыносимой боли только матерился иногда.

...Когда Валера женился на Машеньке, узнал, что её тятя пришёл как-то домой поздно, да под хмельком, и коровье поило, которое стояло в русской печи, достал и поел. Ничего не заметил, спать лёг, а утром бабушка увидела, ох и смеху было!.. А тятя отвечал: я думал, что суп бабушкин!.. От этого пуще прежнего смеялись. Валере всегда вспоминалась деревня. У всех деревенских так, кто в город уезжал.

Работал теперь Валера Прокопьев в Сибири на большом заводе в литейном цеху. Шибко вредная и до боли тяжёлая эта работа. После каждой смены чернота из нутра выходила, ох и повыхаркивал он её, страх сколько! Не раз думал, что ежели и жив ещё, так это бабушкино парное молоко детства выручат. Справедливости ради, молоко за вредность им тоже выдавали, колхозы в стране трудились, но разве вытравишь эту черноту?..

Поначалу жили семьёй во времянке, которую купил – денег хватало. Затем получил квартиру, а времянка осталась как дача, и, опять же, у многих так было. В девяностые, страшные годы, две дочки его были совсем маленькими, жили тогда ещё во времянке. Отапливал жильё своё дровами, но был и тайно сделанный

эклeктический водяной обогреватель, который шёл мимо счётчика. Стыдно за это не было, надо было выживать.

Завёл четырнадцать кур, неслись неплохо, ходил по рынку, выпрашивал отходы у торгующих селёдкой и другой рыбой. Бывало, выпадало, что покупал по дешёвке рыбы головы и хвосты. Напарит комбикорму, который привезли из деревни, а комбикорм хороший – там и рожь, и пшеница, и много чего ещё. К комбикорму добавит рыбьих голов с хвостами, и куры неслись лучше даже зимой. Покупал специально витаминно-минеральную добавку «Рябушка», добавлял в корм.

Годы коварны тем, что если ничего не делать, то ничего и не будет. Валерий растил своих девочек, а когда выпадал отпуск, то вёз всю семью в деревню – пусть знают. Всегда подолгу разглядывал фото, что висели на стенах. Сколько сродников на этих дорогах сердцу, кое-где пожелтевших от времени карточках.

Когда бабушки не стало, перевёз все карточки в город, сделал новые большие рамы и аккуратно приклеивал каждую фотографию на картон. Затем бережно, словно кто мешал, повесил на стену.

Не раз бывало, глядя на эти дорогие фото, наворачивалась у него на глаза слеза. Вон они с Ваней Абрамовым стоят на горе возле старинной церкви, 1720 года постройки. Нет Вани уже в живых. Вон Славка Носов, который показывал ему на погосте старинные могилы известных на ту пору людей. Про одну могилу он говорил, что здесь похоронена царица. Позже Валерий узнает, что это была помещица. Нет уже и Славы.

Годы спустя он с другом Сергеем обойдёт этот погост у церкви. Сколько земляков лежит тут! Многих он знал и любил, но пока был мальчиком, не понимал этого. А земляки глядели на него с новых керамических фото. На погосте всегда тихо, лишь вороны нарушают тишину. Все, на кого не погляди, все дороги.

Маша только вздыхала, обнимая мужа, и говорила:

– Сердобольный ты у меня, Валера. Так, как ты, уже никто не делает. Говорят, прошла мода на карточки. Но что тебе по душе, то и мне.

Ну как было не любить Машеньку после таких слов?

– Я бы тех, кто придумал такие моды отменять, крепким словом окрестил, – отвечал он. – На фото кто? Деда, не вернувшиеся с войны, бабушки молодые, братья, сёстры, друзья. Это наши корни, а нам говорят, что «это немодно». Сами старые станут, спохватятся, поздно будет – перед своей же совестью. А у меня, вон, все к одному, и гоже мне от этого – душе гоже...

Прошло много лет, вышел Валерий на пенсию, надумал снова взять кур. Теперь для таких, как он, работала целая индустрия: продавали готовых несушек, а корму сколько всякого!.. Казалось бы, что тут такого, ну продают и продают. А Валерий думал: сколько корму! И, надо же, специально для кур разработали.

Продавец хвалил корм. Говорил: запаривается хорошо, так что держи, дачник-пенсионер курей. И вот уже бегают по курятнику рыженькие курочки, светит сибирское солнышко, но на душе у Валерия беспокойно. Дочки окончили университеты, работают, а не выходят замуж. «Не за кого». Помнил он, как в их деревне девки так же говорили. Да и парни. А сам он думал: ну как это, не за кого, не верю, что нормальные девчата и парни перевелись. Мы вот, к примеру, с Машей нашли друг дружку.

Однажды в лесу увидел Валерий две берёзки, стояли они сильно-сильно друг к дружке прижатыми. Вот, кажется, и мы с моей Машенькой как эти берёзоньки.

Постой, берёза – это же женского пола, вот ежели бы тополь к берёзке прижался, тогда картина бы получилась – парень, девушка, а тут – две берёзки... Ну и что? Две берёзки мы с моей Машей...

Раньше у молодых что было? Трусы, штаны, юбка, рубашка. С ложки, с тарелки хозяйство начиналось, со шторочки какой-никакой. Ныне избаловалось человечество – всё и сразу подавай. Рухнул наш любимый Советский Союз на радость американским политикам, а нам на горе великое, полная ведь разруха была, даже пенсию не платили, задерживали.

А теперь страна обеспечивает себя курятиной, свиной, зерном, армия сильна, а это ж сколько надо было перелопатить, чтобы было такое!.. Всё разворовали в 90-е. Начальство, конечно, по большей степени воровало, но даже и не это главное. Всеобщее равнодушие нас губило.

Курочки бегали по курятнику, солнечные зайчики все до одного были на месте. Надо яичко снести – пожалуйста в вагончик, там насест, гнёзда, полочка для отдыха. Всё по уму. Надо погулять? Пожалуйста пернатые, места для вас много, и на улице отведено.

И видит Валерий, как от удовольствия рыженькая курочка как бы закапывается наполовину в землю. Много земли во Сибири, дач брошенных много – кто умер, кто состарился, кто не может работать от коварных хворей, а дети по вахтам, не до дач им. Но много и таких ныне, что сядят картошку и всё остальное, молодцы, чего сказать.

По выходным приезжала на дачу жена Мария – она ещё работает. Сразу веселее становилось мужу, а то среди недели и тоска одолевала. Она каждого человека поклёвывает в темя, сроду не угадаешь, что будет. Мысли, что каждую секунду можешь помереть, бередают нутро. Но покуда не подох, жить надобно. Ведь каждый русский человек, живя на белом свете, продолжает Россию...

Когда ходил в магазин за хлебом, Валерий всё время останавливался возле дачи, где хозяйкой была бабушка по фамилии Тюрина. Имя и отчество запомнил, снова спросить стеснялся. Бабушка, да и всё.

Тюрина, завидев Валерия, часто заводила разговор первой:

– За хлебом опять шлёпашь? Слушай, сосед, у меня прошлой зимой чё-то с головой было. Упала, без сознания долго была, лечили врачи, подлечили. А я вот думаю: вот бы сразу помереть, чтобы детей не мучить, а?..

– Хитрая ты! Сразу хочешь помереть, об этом многие мечтают. Отошла же, снова в огороде работаешь, мне за тобою сроду не поспеть. Ничего, бабушка, вырулила, значит живи и понапрасну не канителься. Ты – молодец! Сколько не иду, всё время работаешь. Тебе скоро восемьдесят, а моей маме почти восемьдесят три было. Месяц не дожила, тоже проворная была.

Слушая Тюрину и волею жизни наблюдая, как она работает, Валерий думал, что его мама была, наверно, самой трудолюбивой на свете. Много людей так про своих мам думают! То поколение было железные люди.

Во второй половине лета сильно лили дожди и люди переживали, что картошка будет гнить. Валера спросил у Тюриной, что она об этом думает.

– У нас дорога между лесом и дачами, два дня дождь и даже глубокой лужи нет на дороге. Это почему? Земля у нас песочная. Влага быстро уходит. Ну, может, и будет картошка гнить, но не так как у других, у кого земля глинистая.

Жалел Валерий Тюрину ещё и потому, что телевизор у неё, первый и второй канал

не показывали. А он не мог помочь в этом деле старухе, ничего не понимал. Обещал отремонтировать телевизор сын соседки. Велел купить ей две большие железные банки с пивом, собираясь соорудить антенну. Но пиво в железных банках пока стояло целым, а Тюрина говорила:

– Я-то пиво не пью! Коньячку махонькую рюмочку могу махнуть, чтобы в голове лучше работало. А ты, раз не можешь починить телевизор, ну чё с тобой сделаешь?.. Ты зато за курами ухаживаешь, семью подкармливаешь, тоже дело. А сырое яйцо от своих кур надо обязательно пить, а потом – рюмочку, от всех болезней средство. Я, когда кур держала, сама так делала. И сила прибавлялась. А по осени, когда головы курам отсекла, плакала... За внучек переживаю. Избаловали их. Я своих, чего греха таить, бывало и шлёпну ремешком. Ничего, выросли нормальные. А внучки – разбалованные. Я с ними строга, и они меня за это недолюбливают. Говорю им: не люблю лентяек, а им ничего, смеются. Всю жизнь не прохочешь! Говорю: надо к жизни приспособливаться, знать, что и когда в огороде посадить. Мы вон в деревне без света жили, а всё умели. И шить, и по хозяйству – это целая наука, а они опять смеются. Учитесь, говорю, у матери щи варить, другую еду. Вам замуж выходить, надо всё уметь. А они: «Мы в кафе сходим поедим, зачем готовить? И огород не нужен, можно в магазине купить». Моё мнение: не приспособлены к жизни. Свет если отключат, не выживут.

Выслушав Тюрину, Валерий пошёл в магазин.

Сибирская жизнь!.. Тут и времянки, и дачи, от расстояния дух захватывает. В городе пяти-, девяти-, десяти-, шестнадцатизэтажки, но главное – лес. Хоть и повырубленный ворами, но всё же, слава Богу, не везде. Уж больно большая Сибирь, и, как писал Антон Чехов, только птицы знают, где она заканчивается.

Создал Господь Сибирь, вырубай, не вырубай лес, а природа мудрее, чем человек. Под промышленное производство был вырыт огромный котлован, цех тот громадный в 90-е даже не начали строить. В котловане было вычищено всё, только земля осталась, и вот через тридцать лет здесь вырос лес, и люди там грибы собирают.

Идёт Валерий после встречи с Тюриной вдоль дороги. По одну сторону дачи, по другую лес, и вдоль лесной дороги набрал он несколько подберёзовиков. Вернулся из магазина, тут же сварил их в маленькой алюминиевой кастрюльке. Много лет кастрюльке, а всё служит, родимая. Варить много надо, когда семья большая, а вдвоём хватит и кастрюльки. Она ж волшебная: раз, и быстро съел! Надо другое варить, получается разнообразие.

Сосед по квартире в посёлке, дядя Ваня – ему уже восемьдесят три, а он сам обрабатывает дачу, водит автомобиль «Нива» – рассказывал Данилычу:

– Я почти ведёрну кастрюлю щей варю. На неделю хватает нам с собакой. Не люблю часто готовить. Помидор солёных много, я их на одну такую кастрюлю, трёхлитровую банку добавляю. Окорочков штук шесть брошу. Привык уже так, один живу, кто мне наварит?..

Валерий же любил готовить часто, а стало быть, хочешь не хочешь, а получалось радостнее на душе. И даже от такого простого действия жизнь становилась интереснее. «Приедет Мария, а я картошки с грибочками нажарю! А она уж точно винца привезёт, надобно душе праздник делать, чтобы не лопнула она от жизненной насады».

Как тут Василия Макаровича Шукшина не помянуть с его фразой: «Праздник нужен душе, праздник».

Помидоры в теплице созрели – снова разнообразие, да какое!.. Разве сравнишь

что растёт в огороде с магазинным?.. Хрустнешь огурцом, помидорку съешь, кусочек хлебушка, чай с сахарком, вот и завтрак.

Видел, конечно, Валерий Данилыч, что люди маслом сливочным и сыром завтракают. И не сказать, чтобы он не мог себе это позволить, пенсия есть, а всё же далеко не всегда ел сыр с маслом.

А тут, как началась эта война на Украине, стал он больше ценить каждую минуту, думал порою, что это инстинкт, чутьё такое у человека живёт: раз война, то всяко может быть. Таскал из лесу Валерий старые пеньки, подсушивал их на солнышке, да баню топил, хорошо горят, жару много от них, а ведь сколько в лесу пролежали! Брал, конечно, такие, что под силу унести.

«Пеньков мне хватит, а на будущий год, ежели с пенсии накоплю, куплю готовых дров, колотых... Другие покупают, а я, что, не заработал?.. Маленький грузовичок колотых дров шесть тысяч стоит. Ну и что, много ли нам с Машей надо? Дочки почти не едут сюда, привыкли к городской жизни», – размышлял Валерий.

В этом году многие и на заброшенных дачах картошку посадили. Может, война повлияла? Страх в человеке живёт, нутряной страх, и кто поборол его, значит, сильный человек. Каждое утро Валерий молился. Под иконочками лежало мамино письмо бабушке в деревню – это для него тоже была святыня. Нет бабушки, нет мамы, и Прокопьев каждый день поминал их в своих молитвах к Богу.

После молитвы завтракал, когда яичком от своих же курочек, когда Усольской колбаской – и цена у неё была невысока, и вкусная. Ну и, конечно, варил супы. Как без них?! Укреп жизни нужен человеку, а без супа вообще никакой жизненной силы нет. Сколько раз замечал Данилович, поест супа, и силы есть кой-какие – за пенёчками в лес ходить. А так если подумать, что в супе-то? Капуста, картошка, морковь, свеколка или листочки её, косточки свиные, говяжьи или куриные, помидорка, лук, чеснок, укропчик, петрушка, лавровый лист, перец – крупный горошек душистый, соль. Рассольники, щи варил. Нехитрые продукты, а вот, гляди, силы дают – надобно человеку питаться.

Курятник помогал строить Михаил. А как не отблагодарить людей? Уж несколько раз на велосипеде приезжала тётя Света, мама Миши, и каждый раз давал Прокопьев им яичек. Возил и двоюродной сестре яички. После инфаркта она, сердешная. За сына шибко переживает. Говорит, могут призвать на войну, он хорошо отслужил срочную, а у него теперь сынишка растёт. А у Валерия зрение совсем негодное, да в лёгких чернота от литейки осталась, врач головой крутила, когда на снимке увидала лёгкие Данилыча, выписала таблетки. Видать, целые институты высчитывали, когда человеку пенсию давать, потому как сбой здоровья по всем направлениям наступает ещё до пенсии.

На огороде вырос большущий подсолнух, и Валерий с Машей решили, что это от мамочки гостинец. Любила мама Валеры семечки, и вот, словно солнышко в непогодину, вырос молодец. Время пришло, убрал подсолнух Данилыч, да положил шляпку на старый холодильник прямо на улице, на видном месте. Пусть птички в память о мамочке семечки поклюют, она при жизни любила подкармливать птичек.

Люди говорили, что у картошки надо менять семена, но Валерий с Машей не все поменяли, где и старые посадили. Картошка, что взяли из питомника, оказалась средней, и их старая – средней. Это они узнали в начале августа, когда подкопали чуть-чуть на пробу.

Половина лета лили почти непрекращающиеся дожди. Соседка говорила: «Лишь бы картошку выкопать да сохранить, тогда всё хорошо будет».

Сосед, что жил через дачу, выкопал картошку первым. Принёс Валерию два ведра

мелкой. Жаль, говорит, выкидывать. Дал ему Данилыч яичек, тот было отказываться стал, тогда Валерий зная, что сосед выпивает, сказал ему:

– Когда силы нет у человека, так ты похмелись и сырым яичком с хлебушком закуси. Хорошо должно пойти.

Сосед взял яички, сказав, что проверит. И было видно сразу по его лицу, что точно проверит. А Валерий, складывая в корзину очередную партию яичек, вспоминал бабушку и знал, что многие в России нашей так делают и думают.

...Вот и началась нынешняя копка картошки! Всегда вспоминалось в это время Валерию, как в далёком его детстве копали на деревне картошку. Глядишь, все вышли: и стар, и мал. Некоторые старики даже показывались от ветхости своей, но упрямо шагали на поле. «Не упал бы дед!» – не раз думал Валерка. А дед, пособирав картошку, усядется на корзину передохнуть. Вокруг много внуков, детей, а он закурит махорку и скажет:

– Вот, етитвою, все вышли, рази только в зыбке остались, но те ишшо не могут.

Старухи же были посноровистей, не замечал Валерий за ними немочи в такие моменты жизни. Это уже после копки болезни в атаку пойдут, а ныне запрет им вышел полный.

Всю старую одёжу из амбара повыгребли люди, не будешь же в новье копать! Весело в такие дни было на усадах да прирезках, люди работали до одури, шибко уставали, у многих темнело в глазах от неминуемой усталости, а, меж тем, разговаривали о жизни. В разговорах таких чего только не вспомнят. Кто помер, кто на гармошке хорошо играл, кто в кого был влюблён. А детишки, помогая родителям, слушают эти речи и становятся мудрее. И до смерти любят своих родителей, дедушек, бабушек.

А как не любить? Торопятся в поле старухи, пироги с молоком несут. Пироги те не только с картошкой, капустой, а с грибами, яблоками, пшеном, ягодой. Поедят люди и снова в работу впрягаются, картошку копать, святое это дело на Руси нашей сердобольной. И только когда станет совсем заходить солнышко за опушку леса, сядут большие деревенские семьи за стол, и все вместе, не брезгуя, хлебают щи из большого чугуна. Тем самым доверяли сродники друг другу, а он, этот чугунок, с утра уже стоял в печи, словно дожидался: де, выхлебают меня люди, выхлебают, с устатку-то надобны силы.

Пока мать кормила младших, старшие спускали в погреб картошку, и для них, знамо дело, щей оставили. Но далеко не всегда даже для самых старших, отца или деда, было спиртное в такие часы. Усады были огромны, копали их по нескольку дней, скотины держали помногу, а картошкой кормить – это ж первое дело!

Уляжется деревня затемно, а рано утром снова копать картошку, – спасительницу любезную, ну а после работы по субботам баня. Малые ребятишки с ребятами постарше уже с утра из речки воду натаскают. Топит баню маманя или бабушка, все будут чистыми, никого не забудут.

Да что там их деревня, вся Россия копает картошку! И от таких мыслей было чуточку теплее на нутре у Прокопьева. День на величайшую редкость выдался солнечным. С самого утра и начали, даже чай пили по очереди, так ценили этот Богом посланный денёчек.

Подкопает Валерий клубни, Маша выбирает, он тем временем в дом сбегает, чайку хлебнёт. Пока он вёдра с картошкой в вагончик таскает, Мария чайку хлебнёт. Старались, чтобы не одна минута впустую не прошла.

Помогали и дочки, но нехотя. Они были другие, считали, что картошку и всё остальное можно купить на базаре, не понимали, зачем надо так издеваться над собою. Это огорчало Валерия с Машей, но ничего поделатъ они не могли. Сколько

по-настоящему вредных человеку программ по телевизору, а всё это – влияет. Будь на то воля Валерия, он бы не просто запретил передачу «Дом два», он бы всех авторов этой программы за развращение молодёжи в тюрьму посадил. И надолго. Пусть руду для страны добывают, потому что такие люди уже не исправятся никогда. А сколько молодых жизней загублено только из-за этой передачи? Надо приказать министерству культуры вернуться к совести, ведь это всех касается, – не раз думал Валерий...

Курочки неслись хорошо – по шесть яиц каждый день, а всего их было восемь. Яйца ели, сколько хотели, раздавали, но к середине сентября всё равно скопилось целых две больших корзины. Домашнее яйцо ценилось на рынке дороже фабричного рублей на тридцать. Было у Валерия два холодильника, туда и сгрузил он дорогие яички, знал, что домашнее яйцо долго не портится.

У его бабушки в деревне прямо в доме под лавкой в корзине домашние яички всё лето стояли, и даже больше, и ничего с ними не делалось, а тут – холодильник. Пил сырые яички Валерий всегда. С самого детства любил он это дело, а вот Маша только жаренные или варёные ела, но говорила, что в детстве тоже пила сырые яйца. Разобьёт в стакан два яичка, хлебушка туда покрошит, соли добавит, размешает ложечкой – болтанкой это называлось, и так ела.

Всегда весело вспоминала Мария свою деревню. Накупаются вместе с гусями в пруду и вшей зацепят, ох и ругалась мама, когда приезжали в город! Позор, если в школе станет известно. А какой позор, не раз думал Данилыч, если это жизнь? Подумаешь, дети в луже с гусями искупались! Вши можно вывести на раз, главное, чтобы деревню помнили, любили душою. Всё к тому идёт, что люди будут жить в городах и не знать деревни. Вот где печаль настоящая, трагедия это! Как корни обозначить человечеству без деревни? В архивах, конечно, сохранится прошлое, но это что, труха!.. Мы-то знали, чужали душою деревню, а вот дочери мои – уже нет. Так только, совсем маленько, и то, когда напомним, скажешь им, например: «Ну, девки мои, дочери! Помните, как на русской печи грелись? Как с из чугуна кашу ели, как в пруду купались? Как яблоки сами срывали, лягушек боялись до смерти? Как бабушка сушёную черёмуху вам от поноса запаривала, мигом помогло! Как котят на печи гладили, а как бабушки за вас заступались, когда я вас поругивал бывало?..»

Воспоминаниями разбудишь их чувства маленько, даже посмеются. Да тут же всё и забудут, вроде и не разговаривал с ними. Обидно это, ведь дочки мои! Глянул Валерий недавно на трудовую мамину книжку, вроде буковки, а сколько всего вспомнешь, помолишься, поплачешь...

Когда Данилыч шёл кормить кур, они радовались, прямо запрыгивали ему на плечи. В такие минуты вспоминался Прокопьеву фильм «Любовь и голуби», а дальше и объяснять ничего не надобно. Ловил в Ангаре рыбку Данилыч, да много её скопилось в большой морозилке, теперь варил курам. Все зимние запасы за лето израсходовал, это и хорошо, теперь можно свежую ловить. А куры, понятное дело, от карасей, лещей, окуней, сороги, щуки неслись хорошо. Но главное для хозяина, это когда всё в дело идёт, и от этой махонькой, невзначай пролетевшей мыслишки легче было дышать Данилычу.

Раньше в Сибири раков не водилось в Ангаре сроду, а тут услышал разговор в магазине Валерий, и пошел на заливы. Интересно же! Действительно, поймал большого рака, привёз на дачу, поселил в ванне, детишки из других дач ходили как на экскурсию глядеть этакую невидаль. А потом снова отвёз на залив и отпустил. Живи, рак!

Изменился климат в Сибири, многое стало расти, чего раньше не росло, не такими сильными стали морозы зимою, осень, лето, весна – всё стало не таким. Это подтверждали многие люди, а как не подтвердить, если на глазах всё меняется? Яблоки вон какие вырастают, сливы, вишни, облепиха по берегам Ангары всё усыпала, разрослась словно сорняк какой. А ведь не было облепихи, когда Валерий был молодым.

На другой улице жил сосед Володя. Заказал он рыбки у Данилыча. Прокопьев съездил домой, набрал из морозилки лещей. Приехал и пошел к Володе. Сосед даже возмутился, что Валерий отдал рыбу почти даром:

– Я знаю, сколько рыба эта стоит, ты чего так мало берёшь?

Данилыч скромно ответил:

– Да я бы вообще не взял, но, сам понимаешь, бензин дорогой.

Мужики сидели на крыльце, была хорошая погода. Володя угощал пивом Валерия, подошёл сосед уже с другой улицы и попросил свёрла. Володя вытащил целый чемодан, раскрыл и сказал:

– Выбирай, у меня много инструмента.

Когда сосед ушёл со свёрлами, Володя сказал:

– Я не хвальнось, но инструмента много имею. Дача, сам видишь на косогоре стоит, обваливается земля там, где ниже. Я машинами землю привожу, железные заслоны ставлю, в общем, много чего делаю. Но дача стоит ровно, хоть по линейке проверяй.

У Володи высоко на крыше висел флаг России. Валерий сказал:

– Я раньше, когда видел флаг нашего государства, мне как-то легче на душе делалось. Ну, вроде как наши тут живут!

Володя рассмеялся:

– Так я же полжизни армии отдал! А флаг – это значит, что я поддерживаю нашу страну, президента. Многие жалуются на жизнь, а я – нет. Я небогатый, но всё, что мне нужно, у меня есть. Конечно, многие бедно живут, но я всю жизнь работал. Сначала военным, потом инженером. Сложная это тема – о жизни рассуждать. Пойдём лучше пивца маленько опрокинем.

В комнате Володя показал Валерию старенький сервант. И с гордостью говорил о своём отце:

– Ты видишь здесь хоть один гвоздик, шуруп, болтик или ещё что?.. Нет, без единого гвоздя произведено. Я на дачу привёз сервант на память об отце. Он и плотники были!.. Одним топором избу рубили и крышу без единого гвоздя. Современные люди думают, что они умные, но против наших предков – полный ноль, повторю, полный ноль. В глухой тайге жизнь обустроить, эхма!.. После армейской офицерской службы вернула меня судьба на родину в Братск, так соседка Сергеевна обучала меня как ребёнка – что и как сажать. Тяжело поначалу было, но слово дал родителям! Ночью было дело, вышел, луна светит, а я говорю: Боженька, помоги, чтобы огород мой был не хуже, чем у других. Теперь верю, не подвёл я родителей своих. Курю вот только много, жена ругает, а что поделаешь!.. Это ж зараза такая, не всякому дано избавиться.

Я против деда и отца своего слабак по всем правилам, они сильные были, и ведали для чего жили. Я тоже сиднем не сидел, но судьбу не обманешь. А всё одно радуюсь, что сибиряк, радуюсь, что жив, что дочь есть. Вот, казалось бы, дитя твоё взрослое тебе позвонило, и чего?! А душа после прямо взлетает! А мысль одна: не зря жил, и моя дочка пользу родине приносит. Ты можешь, Валера, подумать, балабол, мол, но я не с каждым так говорю. Да и душа не каждому дню рада, к сожалению.

Слушая Володю, Валерий соглашался с ним.

На следующий день Данилыч отнёс Володе с десяток яиц, тот обрадовался, сказал, что любит сырые яички с детства. А Валерию стало легче на душе, но ненадолго.

Да, разбередил мысли Володя!.. Глядя на своих дочек и вспоминая свою маму, он невольно сравнивал и думал: могли бы мои девочки в глухой многовековой тайге, при сильнейших морозах в палатках выжить? Да ещё город-красавец выстроить? Нынешние люди болеют часто, а я и не помню, чтобы мама болела. Всегда сильная, бодрая, а если работает, сроду не угонишься за ней, то поколение точно железом подковано.

Любил, очень любил Валерий Данилович Прокопьев ставший родным город Братск. Сам он не стал известным человеком, просто работал в литейке, воспитал двух дочерей, вышел на пенсию, но многие его знали и уважали, и он тоже любил и уважал многих братчан. Значит, внёс он свою скромную лепту в летопись города, внёс...

В сентябре стали проблёскивать и солнечные дни, стал Прокопьев ходить по лесу, собирал ягоды шиповника. Насобирает полведёрка, в дом несёт, газетку расстелет, сушит. В газетах мало хорошего пишут, но вот годятся они для таких дел. Его знакомая Зоя Александровна, когда была жива, настаивала шиповник в термосе сутки, и твердила, что только так и надо делать, умная и добрая была женщина. Шиповник на газетке подсыхал, Данилыч приносил новые партии этой красивой ягоды, и картина радовала душу.

Сентябрь перевалил далеко за половину, Валерий пошёл в дачный магазин, по дороге маленько попинал жёлтую листву, берёзонки, осинки вон какой ковёр настелили!.. «И, главное, никто не ругает, что ковёр топчу...»

Подберёзовики на дороге уже не попадались, не было видно и шиповника. Прокопьев шёл в магазин, и знал, что купит там вкусного падунского хлеба, возьмёт и несколько бутылочек абаканского пивца. У хозяина магазина Романа хороший выбор товара, да и цены не задирает. Молодец Роман, на каждой улице бабьи поставил под мусор, сам же и вывозит их на КАМАЗе.

Купив хлеба, идёт Валерий вновь по золотому ковру к даче. Укроет совсем скоро жёлтые листья снежок, но дачи не пустуют зимою. У многих ныне машины, и едут люди на свои дачи в любые времена года.

Велика и первозданно красива наша милая Отчизна. Душу лечить возле реки и леса надобно, да хоть изредка, но ходить в храм. Объяснение этому простое и сложное одновременно, предки наши по всей Руси храмы строили, и точно не дурнее нас были.

А каждая русская дача продолжает нашу милую душе, многострадальную, многонациональную и такую любимую нами Россию